

Живет в Москве (Россия).

Возвращение

Здравствуй, здравствуй, Любезнейший, — Мой дорогой Визави!
Мы знакомы так долго, что лишни эпитеты титула, имя.
Ведь названьям не выразить: «Сущий» и «Сын зари».
Так давай и не будем игратья с ними.

Как же много воды утекло от Начала времён!..
Даже звёзды состарились, кажется, в Вечность.
Даже воздух теперь совершенно не тот Мы пьём,
что окутывал прежнюю бесконечность.

Мир ветшает, мельчает. Не томно уже бытиё.
И на зависть широкой дивиться Нам Летой...
Но не время для глупых иллюзий: Я помню всё
из той песни, кому-то казавшейся спетой.

Помнишь, как Я взошёл над вершинами критских гор,
Первый день вывода пиренейским рассветом,
и Твой яростный, полный немого презренья взор,
означавший изгнанье во Тьму из Света?

Ты был в силе, а Мне оставался один лишь Ад.
Даром люди не ценят Десницу, несущую благо.
Только знай: ничего Я не взял бы тогда назад,

несмотря на гнев тех, за кого Я падал.

Да, конечно, бывает довольно различной на вкус
мякоть яблока с громкой вокабулой Старого сада.
Но подумай: никто на Земле, даже тот сладкоуст,
человеку не смог бы дать больше, чем Я' дал.

Ну а Ты... Чем же Ты одарил этот смертный род?
Полной горечи, страха, бессмыслия долей?..
От Антарктики и вплоть до северных самых широт,
где за благо чтут — меньше стенать от боли.

Как Ты мог не предвидеть последствий такому ярму?
Нынче нет уж слепых — времена изменились круто.
Извини, Драгоценный, отныне Тебе — во Тьму.
Впрочем, слышал: из цезарей — дивные бруты...

Возвращаюсь. Прости (лишь за лёгкую резкость манер!).
Знаешь Сам: трудно быть до конца и во всём безупречным —
на пороге свершений великих, зари новых эр...
Не скучай. Ты же видишь, что это — навечно.

Осенний дивертисмент

Сентябрьский дождь... Листвы стареющие пряди
дрожат за окнами под тихий перезвон
невиноватых капель, обречённых падать
во чрево улицы поблекшим серебром...
Дрожат пугливо, опасаясь скорой смерти,
а может, к осени — в претензии иной...
Но что есть смерть, друзья? — лишь изменение в цвете,
неприкреплённость к ветке, время встречи с той,
чем вскоре станешь сам — за пылкостью объятий,
за вереницею неугомонных дней...
Не лучше ль, право, в дивном неистлевшем платье,
с достоинством и вежливостью королей,
под стать струящимся без опозданий каплям,
замыслив невообразимый пируэт, —
в разноголосице мирской, в житейском крапе —
непринуждённо опуститься в свой кювет?..
"Да-да, конечно, — лился из-за окон шелест, —
пусть кратко, но, скрывать нет смысла, р'овней птицам;
к тому ж, монархами, хоть и на плаху, — прелесть!
Но вот беда: с Дриадами договориться
Ветрам, к несчастью для нас, не суждено —
в разноголосице мирской, в житейском крапе;

поэтому нам утешение одно:
дрожать от радости, что мы счастливей капель..."

Я иду не спеша...

Я иду не спеша, будто бы опасаясь успеть,
а того и гляди, обогнать и без этого близкий —
свой черёд... Ещё грезит о золоте старая медь,
в безучастных лучах догорая лазурью берлинской.

Но искусные руки времён размотают клубок,
и дороги, вилля над пропастью, вырулят в бездну.
И на что же надеяться, если и небо — не-бог?!
Разве ж только на то, что оно — несомненно — не-бесно...

А надежда всё держит и держит в фарватере трасс,
но к чему, если скоро постель с одеялом из глины
и ковёр из ромашек в отеле «The hellparadise»
к моим будут услугам. А там... кельнер-ветер игриво

отрядится за «белой» в края грозовых погребов
и с бокалом дождя прилетит в запотевших ладонях,
и закружат по стенам метели неоновых снов,
как когда-то снежинки под окнами отчего дома.

Вечер выключит свет, и не стриженные облака
поплывут на Восток, за границу ночного острога,
мимо юной луны, что, поверх темноты, свысока
улыбнётся им вслед, обнажая кокетливо локон.

Из-за шёлковых штор мне до первой, несмелой зари
хор весенней листвы зашумит развесёлые песни,
хороня на губах телефонных немое «прости!..»
и на стрелах гудков голос твой унося в поднебесье...

В этом вечном подворье, вдали от забот и тревог
(ну какие у нас, у безнебых, быть могут заботы?..),
я останусь лежать, как забытый языческий бог,
увольняя мгновенья по старости с сучьей работы, —

до тех пор, пока утро не выкрасит известью мрак,
и оркестр тишины не прервёт воробьиная лютня,
и усталый портье, поправляя поношенный фрак,
не напомнит, что вечность оплачена лишь до полудня...

